

УДК 82.01 / 09: 821.161(470.325)

**АГИОГРАФИЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ АВТОБИОГРАФИИ ИОАСАФА (ГОРЛЕНКО),
ЕПИСКОПА БЕЛГОРОДСКОГО И ОБОЯНСКОГО****А. И. Жиленков***Белгородский
государственный
университет**e-mail:
zhilenkov@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются особенности восприятия наследия Иоасафа (Горленко), епископа Белгородского и Обоянского, в агиографии XIX и XX вв. Автобиография анализируется с учетом жанровых особенностей.

Ключевые слова: агиография, традиционализм, автобиография, жанр, рецепция.

Предметом рассмотрения в данной статье является автобиография православного подвижника Иоасафа (Горленко), епископа Белгородского и Обоянского.

Актуальность выбора автора обусловлена исторической значимостью его религиозной деятельности, а также культурной значимостью его творчества.

В данном исследовании автобиография представляет интерес не столько как исторический источник, сколько как отражение религиозно-философского мировоззрения, церковного сознания, специфического эстетического видения своей жизни, детерминированного психологией и эпохой.

Древний биографический жанр обнаруживается уже в героическом эпосе, воспевавшем подвиги эпических героев, в сравнительных биографиях выдающихся греков и римлян у Плутарха, в жизнеописаниях римских правителей у Светония, в трактатах Цицерона, в записках Цезаря, в исповеди Аврелия Августина. В Средние века и Новое время литература активно осваивала формы биографии. Биографический жанр, несомненно, порожден традиционалистской эпохой, и тем более он становится привлекательным для изучения в новых для него условиях, в эпоху художественной модальности.

Задачи выявления жанровой специфики традиционалистского произведения Иоасафа (Горленко), особенности его восприятия и преобразования агиографической литературы в условиях господства в культуре принципа художественной модальности, определили методологию исследования в виде исторической поэтики, включающей сравнительно-исторический и рецептивный методы как основной научный инструментарий.

Иоасаф (Горленко) – видный исторический и церковный деятель. Родился на Украине, в городе Прилуки Полтавской губернии, в казацкой семье. Учился в Киево-Могилянской духовной академии, в 1725 г. принял монашеский постриг. Был настоятелем Мгарского Спасо-Преображенского монастыря в Полтавской губернии и наместником Троицко-Сергиевой лавры. С 1748 г. – епископ Белгородский и Обоянский. «Иоасаф (Горленко) один из просвещенных людей своего времени, был знаком с философскими и политическими сочинениями выдающихся мыслителей древности. В его домашней библиотеке находились книги по истории, географии, медицине, астрономии и другим сугубо светским наукам. Был выдающимся просветителем своего времени, распространял в народе грамотность, уделяя большое внимание работе учебных заведений и делаая церкви центром просвещения и воспитания» [1, с. 5].

Из сочинений святитель Иоасаф оставил автобиографию, стихотворный диалог «Брань семи добродетелей с семью грехами смертными», одно поучение (слово), несколько писем и окружных посланий.

«Собственноручные записки о жизни своей епископа Иоасафа (Горленко), путешествии в свете сем грешника Иоасафа, игумена Мгарского» – это записки по годам тех событий, которые связаны, прежде всего, с его религиозной деятельностью. Форма погодных записей напоминает древнерусские летописи, такая же краткость, сосредото-

точность на главном, а главное для Иоасафа – путь духовного совершенствования, неслучайно, жизнь им осмысливается как «путешествие в свете сем», а себя по устойчивейшей традиции именует грешником.

Сразу же после первой записи о рождении (1705 г.), пропуская рассказ о детстве, Иоасаф говорит о своем отроческом стремлении к монашеству и настойчивом желании стать монахом, которое осуществилось уже в 1725 году. Все последующие события жизни Иоасафа отражают его священническую деятельность.

Очевидно, что фактор, организующий повествование – не пространство, а время – выстраивание рассказа «по летам». Время при этом обладает рядом характеристик, важнейшие из которых «способность изменяться» и «интенсивность». Ритм времени ускоряется и интенсифицируется к финалу записок. События фиксируются уже не по годам, а по месяцам и дням, первоначальная размеренность сменяется динамичным финалом. Кроме того, время насыщается драматичностью, так как с 1737 г. Иоасафа преследуют изнурительно тяжело протекающие болезни. Автор весьма подробно описывает причины, условия заболеваний и их течение. Болезни сопровождаются непременно сновидениями с явлениями святых, Божьей матери и пророчествами.

Факт несоответствия эпически масштабного замысла, отраженного в заголовке, и лаконичного содержания дает нам основание расценивать записки как незавершенный конспект будущего произведения.

Конспективно изложенный материал автобиографии, естественно, осмысливается автором традиционно. Традиционализм мышления проявляется и в отборе жизненных событий (ранний выбор поприща, служба священником, болезни, сновидения, пророчества), в самом принципе их выстраивания в сюжете, и в видении жизни как «путешествия» «грешника».

Форма, в которой преподносится автобиография, ассоциируется прежде всего с житием. Житие не только устойчивая, но и универсальная форма, способная выразить как традиционное содержание, так и проявлять гибкость во взаимодействии с новыми жанрами.

Литература первой половины XVIII в. активно пользуется потенциалом жанра жития, примером может служить первый в России историко-биографический очерк «Житие Квинта Горация Флакка», созданный в 1742 г. Антиохом Кантемиром.

Автобиография Иоасафа (Горленко) сближается с житийным каноном и в структурном, и идейном, и символично-богословском, и стилистическом уровнях произведения.

На структурном уровне следование художественному канону выражается в наличии строгой композиционной схемы жития; на стилистическом уровне – в использовании определенных поэтических средств, важнейшим из которых является агиографическая топонимика (*loci communes*); на идейном и символично-богословском уровне ориентация на канон находит отражение в принципе уподобления (*imitation*) и следования сакральным образцам.

Во внутрижанровой агиографической типологии автобиография Иоасафа наиболее оказывается близкой житиям святителей, основное содержание которых сводится к повествованию о подвиге св. иерархов – церковному и общественному служению. Это отнюдь не обязательно свидетельствует о создании собственного жития (по аналогии с Аввакумом), но лишь указывает на традиционализм художественного мышления.

Собственноручные записки о своей жизни Иоасафа стали впоследствии основой для составления многочисленных его биографий и житий [2, с. 146–188]. В начале XX в. протоиреем Александром Маляревским ко дню канонизации было написано житие святителя Иоасафа, епископа Белгородского и Обоянского [3]. Традиционно наличие жития является непременным условием канонизации.

К 300-летию со дня рождения Иоасафа, совпадавшим с 10-летием возрождения Белгородской и Старооскольской епархии, было издано житие святителя, которое составил протоиерей Олег Кобец [4].

Житийная литература (агиография) о русских святых имеет тысячелетнюю историю. За это время были выработаны особые композиционные правила и жанровые агиографические нормы – канон, в соответствии с которым прославлялся герой, обосновывавший своим поведением общехристианский идеал.

Житие Иоасафа, составленное в 2005 г. (Олег Кобец), согласуется с каноном. Канонична композиция произведения: будущий святой рождается от благочестивых родителей, нарекается Иоакимом (по др.-евр. «Бог воздвигает, утверждает»); скромный и тихий с детства, влеком он душою на любовь Божию, учится в школе при Киево-Печерской лавре; тогда же определяется судьба – в видении отцу Иоакима Божьей Матери, предрекшей священническую будущность его сыну.

Типична для канона и негативная по началу реакция родителей относительно намерения Иоакима в юношеском возрасте принять монашество. Однако выбор молодого человека остается непоколебимым, он даже устраивает самоиспытание, следуя в течение двух лет строгому монашескому образу жизни, после чего постригается в монахи и нарекается Илларионом. Узнав об этом, родители благословляют его на новый путь жизни.

Илларион поступает в Киевскую духовную академию и с большим усердием занимается изучением богословских наук. В 1727 г., в праздник Введения в храм Пресвятой Богородицы, инок Илларион был пострижен в мантию и назван Иоасафом (др.-евр. «Бог собрал»), а на Богоявление 1728 г. посвящен в сан диакона; еще до окончания академии диакон Иоасаф назначается преподавателем словесности. Он совершает труды на благо академии и церкви и в 1737 г. возводится в сан игумена Лубенского Мгарского монастыря. Он собирает пожертвования и обустроивает обитель.

Герой характеризруется как смиренный аскет, строгий молитвенник и постник. Его пример оказывает сильное влияние на братию монастыря, которая предлагает архиепископу Киевскому Рафаилу (Заборовскому) устроить в обители архимандритию и назначить архимандритом отца Иоасафа. Ходатайство братии удовлетворяется и в 1744 г. игумен Иоасаф возводится в сан архимандрита.

В житии подчеркивается милосердие как неотъемлемое свойство души Иоасафа. Будучи уже назначенным епископом Белгородским и Обоянским, «всем и везде, как только мог, святитель оказывал помощь и поддержку. Он покупал и сам колот дрова для бедных вдов с детьми сиротами, тайно посылал денежную милостыню, а однажды сам, из-за болезни келейника, в ночь на рождество, разнес ее по домам нуждающимся. Возвращаясь в покои в одежде келейника, он, неузнанный, был избит своим же привратником, которого одарил, заставив молчать о случившемся до своей смерти» [4, с. 49].

Мотив неузнавания при переодевании в простые одежды также примечателен для агиографии, впервые встречается в легенде о житии святого Алексея, человека Божьего, еще в V в., а в русской традиции в «Житии Феодосия Печерского» второй половины XI века. Феодосий, как и Иоасаф, будучи игуменом, одевался настолько просто, что люди, не знавшие подвижника в лицо, принимали его за «убогого» и смеялись над «худостью ризной».

Сохраняется в житии Иоасафа и мотив «истязания плоти» в борьбе героя с «множеством полком невидимых бесов». Однако если в древнерусском варианте воспроизведения мотива инициатива в борьбе с плотью исходит от самого подвижника, то Иоасаф истязаем тяжелыми и продолжительными болезнями, которые им переносятся, как и подобает святому, мужественно, и воспринимаются в качестве испытания Божьего, ибо умалением плоти возвеличивается дух.

Закономерно присутствие в житии Чудотворца описание чудес, происходивших с ним, либо им же творимых. Это и явления святых угодников (св. Афанасий), и их помощь в отправлении церковной службы; это и чудесные видения и сновидения – явление Матери Божьей во сне Иоасафу с укоризной о небрежении изюмской паствы к ее иконописному лику; это и предчувствие приближения кончины, которую он при-

нимают с достоинством и спокойствием, успевая встретиться в последний раз с престарелыми родителями, посетив родной город Прилуки; распоряжается выстроить каменный склеп для погребения архиереев, в котором завещает захоронить свое тело; совершает Божественную литургию в белгородском Троицком кафедральном соборе; это и посмертные чудеса – особая благодать, дарованная Богом нетленным мощам Иоасафа в исцелении от всевозможных недугов.

Очевидно, что житие Иоасафа (Горленко) выстроено в целом в соответствии с древнерусским житийным канонам, впрочем, в силу большого жанрового потенциала, в нем оказывается немало новых черт. Несмотря на нормативность агиография способна эволюционировать, демонстрировать гибкость и универсальность в создании образа героя духа.

Для житийной литературы характерен прием абстрагирования, то есть намеренное игнорирование составителем определенности, точности, того, что указывало бы на частность, единичность описываемых ситуаций. Функция этого приема сводится к изображению жизни героя как бы вне времени и пространства, именно поэтому не упоминаются имена, именованные людей по их социальному положению, опускаются географические наименования, точные даты и т. д.

В Житии Иоасафа, составленном в XXI в., эта традиция явно изживает себя. Святитель Иоасаф представлен в конкретизированном временном и пространственном континууме. Соблюдается точная датировка событий вплоть до времени суток, до часа, например, в эпизодах упокоения Иоасафа, в рассказе о видениях. В начале жития намечен подробный рассказ об украинском происхождении святого, его родителях, их относительно высоком социальном положении; особо подчеркивается, что род Горленко был известен преданной службой царю и отечеству, поминается прадед святителя Лазарь Горленко, погубленный казаками за верность московскому государю. Участие в политической жизни ближайших родственников Иоасафа, связанное с этим их социальное и материальное положение – оказывается новой важной темой агиографического произведения, впрочем осмысленной вполне традиционно, ибо испытаниями, выпавшими для всей семьи и «страданиями с молодых лет Господь укреплял дух Своего избранника – будущего святителя Церкви».

Житие снабжается разнообразной культурно-исторической информацией, не сводимой только к справочной функции, но расширяющей представление читателя об условиях свершения жизненного подвига героя. Рассказывается об оплоте Православия в Украине Киевской академии и Киево-Печерской лавре, о лучших воспитанниках и известных богословах – ректорах академии; в виде социально-географического очерка описывается особое территориальное положение Белгородской епархии; говорится об историческом значении епархии и в ней Православной Церкви, отдельных храмов, а также отправлении религиозного культа.

В ткань житийного повествования органично вплетается документальный материал – прошения, указы, распоряжения, судебные решения, вкуче составляющие представление об административной и хозяйственной деятельности святителя, об его этикетном образе. Два фактора влияют на повествовательный стиль жития Иоасафа – стремление к документальности (следствие отказа от приема абстрагирования) и современное нам административное мышление, проявляющееся в том, что герой «эффективно решает вопросы», «делает определенные выводы», «принимает все меры к подъему образовательного (духовно-нравственного) уровня духовенства».

Древний канон требовал оценивать персонажа в соответствии со средневековым этикетом и положением на иерархической лестнице. В типе житий подвижников церкви прослеживается строгое следование канону, чем, например, в типе княжеских житий. Однако в житии Иоасафа появляется интерес и к самой личности подвижника, а не только к его этикетному трафарету.

Осознание ценности человеческой личности – это факт уже древнерусской литературы XVII века, и в литературоведении обозначается как «открытие характера». Сквозь канонический образ подвижника церкви нельзя не усмотреть образ живого че-

ловека, целеустремленного, энергичного, всецело поглощенного духовным поприщем, устройством Православной церкви и утверждением Православной веры, сурового к нерадивым в вере независимо от их социального положения, должностей, званий, черпающего душевные силы в любви к Богу и людям, о чем свидетельствуют многочисленные примеры сострадания и милосердия, приводимые в произведении.

Таким образом, рассматриваемый памятник представляет собой жизнеописание не только святителя Иоасафа, но и биографию человека Иоасафа, что обуславливает новизну самого жанра – житийно-биографической повести.

Список литературы

1. Литературные памятники Белгородчина. Англология – Белгород: Белгородская областная типография, 2008. – 564 с.
2. Литература о жизни и деятельности свт. Иоасафа // Житие, служба, акафист святителю Иоасафа, епископу Белгородскому, Чудотворцу / Сост. списка литературы – А.Н. Крупенков, И.В. Медведева. – Белгород: Белгородская и Старооскольская епархия, 2005. – С. 146–188.
3. Маляревский А.И. Святитель Иоасаф, епископ Белгородский и Обоянский. – СПб., 1907. – 37 с.
4. Житие, служба, акафист святителю Иоасафа, епископу Белгородскому, Чудотворцу. – Белгород: Белгородская и Старооскольская епархия, 2005. – 152 с.

IOASAF (GORLENKO), THE BELGOROD AND OBOYAN BISHOP'S AUTOBIOGRAPHY IN AGIOGRAPHY RECEPTION

A. I. Zhilenkov

*Belgorod
State
University*

*e-mail:
zhilenkov@bsu.edu.ru*

The article dwells on the problem of reception of the artistic heritage of Ioasaf (Gorlenko), the Belgorod and Oboyan bishop in the XIX and XX century agiography. Ioasaf's autobiography is studied in its genre features.

Key words: agiography, traditionalism, autobiography, genre, reception.